

1

ВСЁ СЕРЬЕЗНО

Я стоял перед ними, и паркет растекался у меня под ногами.

— Это просто кошмар! Я уже не знаю, что с ним делать! — возмущалась учительница по русскому (всегда забываю, как ее зовут).

Я никогда не запоминаю имен и отчеств. Не говоря уже про фамилии.

Но это еще не самое страшное.

Мой мозг не в состоянии зафиксировать, кто как выглядит. Русичку я однажды даже перепутал с физичкой. Огреб с двух сторон. Хотя, если объективно, они обе могли бы обрадоваться: у русички, например, красиво уложены волосы — волнисто. А у физички красивые голубые глаза, и она моложе. Но я всё равно умудрился их перепутать.

Родители трагически молчали. Я изучал трещины на паркете.

— Вы понимаете, что двадцать восемь ошибок в итоговом диктанте — это недопустимо?

Тишина. Да и что удивляться — у такого тупого ученика разве могут быть понятливые родители, которые будут ловить ее сигналы на лету?

Учительница вдохнула и, округлив рот до предела, очень внятно и отчетливо повторила:

— ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ!

Мама с папой послушно кивнули, как команда по синхронному плаванию, и снова ушли на дно. Они отлично понимали, что такое количество ошибок — это перебор, но тоже не знали, что со мной делать. Кроме того, наверняка папу зацепило, что число не круглое, и он сейчас напряженно об этом думал.

— Мы весь год занимались отработкой этих правил. При этом посещаемость у вас стопроцентная. И вот результат! Как будто он впервые видит эти слова и ни разу в жизни не слышал о существовании правил! «Зобор»! Вы только вообразите: «зобор» и «эксплуатация»!

Я сам не понимаю, как это получилось. Я не специально. И я прекрасно знаю, что в заборе — «а», а в эксплуатации — «э». От этого мне хотелось очень громко и раскатисто рассмеяться: «А-ХА-ХА-ХА», — и сказать небрежным тоном: «Да ладно вам, Марья Ивановна (допустим, она действительно Марья Ивановна), что́ эти двадцать восемь ошибок по сравнению с вечностью!» Или: «Что эти двадцать восемь несчастных ошибок по сравнению с прогнозами Хокинга / отсутствием ясности в вопросе происхождения человека / проблемой изучения человеческого мозга?» Но я молчал, раскатисто хохоча внутри себя — так, чисто для удовольствия. Во-первых, я не был уверен, что учительницу зовут именно Марьей и именно Ивановной. Во-вторых, слово «мозг» могло ее обидеть. Такое уже было: звучит слово «мозг» — и опаньки! — мгновенная обида. Она даже никогда не называла этот орган правильно, заменяла на «мозги», отчего ее речь превращалась не то в описание еды, не то в сказки о волшебнике Изумрудного города, где Страшиле, набитому соломой, вынь да положь потребовалось набить чем-то черепную коробку. Помню, как в книжке он

вопил во всё горло: «Э-ге-ге! Да здравствуют мозги! Я себе обязательно их раздобуду!»

Интересно, это у всех учителей так?

ФОРТОЧКИН, ТЫ МОЗГИ ДОМА
НЕ ЗАБЫЛ?

РУБАШОНКИН, ПОПРОБУЙ
ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ МОЗГАМИ!

КОРОВУШКИН...

— ДАНЯ!

Я очнулся.

— Вот, пожалуйста, — обиженно сказала учительница. — И так всегда! Витает где-то, как будто это его не касается!

Родители смотрели на меня с укором и транслировали мне свои мысли. Мама: «Сидим узнаём, какой у нас сын молодец! Позорище!» Папа: «Ты совсем уже? Мы тут всё это выслушиваем, страдаем, а ты как будто ни при чем!» И хором: «Ой, доиграешься!»

— И это еще полбеды! Но к чему приводит его невнимательность? Он переставляет местами буквы в словах, пропускает слоги, некоторые пишет по два раза: «сочинение»! Да что слоги! Целые слова пропускает!

Вообще-то она считается сильной учительницей. ЕГЭ, ОГЭ, олимпиады, конкурсы всякие... Спроси любого моего одноклассника, чем он сейчас занимается, он скажет: «Готовлюсь к олимпиаде / учу стихи для конкурса чтецов / пишу очерк на городской конкурс». Я в этом смысле неперспективен, поэтому учительница мало со мной разговаривала в течение года. Зато как ее в конце года проняло, даже удивительно. Я-то думал, она в принципе не помнит о моем существовании.

— В общем, давайте как-то решать проблему, — неожиданно закружилась женщина, выдающая себя в моем сознании за Марию Ивановну.

— Кхе-кхе, — произнес папа.

Ему всегда нужно прокашляться, прежде чем он скажет что-то человеческим голосом.

— Кхе-кхе! — и еще раз: — Кхе-кхе!

Учительница терпеливо ждала. Я продолжал плавить взглядом паркет.

— Кхе! — в последний раз кашлянул отец. — А в чем, собственно, проблема?

— Да! — присоединилась мама. — Я тоже не поняла! На секунду учительница онемела, а потом...

— Вы понимаете, что это два?! Через год ему сдавать ОГЭ — где гарантия того, что он не провалит экзамен?

— Мы не можем дать вам гарантии, — развел руками отец. — Не мы же учим его русскому языку!

— Значит, так! — учительница собралась с силами и бросилась в атаку. — Или Даня берет задание на лето, ежедневно — я повторяю, ежедневно — занимается под вашим контролем, или у него в следующем году будут серьезные проблемы!

— Вы нам угрожаете? — скучным голосом поинтересовалась мама.

— Я не угрожаю! — взвилась мнимая Марья Ивановна. — Я предсказываю будущее!

Час от часу не легче. Шел в школу, попал к гадалке.

— Вот что, — сказала мама, вставая, — будущее предсказывайте кому-нибудь другому. А мой сын у вас больше не учится!

И мы гордо и, как оказалось, навсегда вышли из кабинета русского языка: впереди флагман — мама, чуть позади два корабля сопровождения — мой папа и я.